

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Гельмут Гюнтер

ГОРЯЧИЕ МОТОРЫ

**ВОСПОМИНАНИЯ
ЕФРЕЙТОРА-МОТОЦИКЛИСТА**

1940—1941

За линией фронта. Мемуары

Гельмут Гюнтер

**Горячие моторы.
Воспоминания ефрейтора-
мотоциклиста. 1940–1941**

«Центрполиграф»

Гюнтер Г.

Горячие моторы. Воспоминания ефрейтора-мотоциклиста. 1940–1941 / Г. Гюнтер — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5149-0

Участник Второй мировой войны Гельмут Гюнтер вспоминает о том, как служил посыльным в мотоциклетном батальоне дивизии «Дас Райх». Живо и ярко автор рассказывает о том, как практически «на ходу» в боевых условиях он и другие молодые новобранцы осваивали технику вождения мотоцикла, как воевали, праздновали победы и переживали поражения. Описывает состояние эйфории, в котором германские войска шагали по Европе, и какой ожесточенный отпор получили в сражениях с русскими, а потом, обмороженные, голодные, отступали по заснеженным российским дорогам.

ISBN 978-5-9524-5149-0

© Гюнтер Г.
© Центрполиграф

Содержание

Призыв	6
Как становятся мотоциклистами-посыльными	10
Марш	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Гельмут Гюнтер
Горячие моторы. Воспоминания
ефрейтора-мотоциклиста. 1940—1941

Helmut Gunter

HEISSE MOTOREN, KALTE FUSSE

Призыв

Порывистый ветер продувал платформу. Подняв воротник шинели, я поежился и принялся тереть руки в попытке согреть их. Ганс, бросив взгляд на вокзальные часы, жалобно пропищал:

– Уже на двадцать минут опаздывает! Сколько же еще нам здесь околевать?

Нас было много на платформе, и все с нетерпением дожидались поезда в Германию. В Арнеме (Нидерланды) вместе мерзли 11-й пехотный полк СС и подразделения полка СС «Германия»¹. Казалось, вся солдатня ринулась на вокзал, стремясь сесть в поезд и поскорее оказаться на родине. Нам не терпелось оказаться в тепле вагона. Пусть даже нам придется простоять в коридоре... Какая к черту разница! Сутки, и мы дома. А там. Там я смогу спать, сколько захочу, там не придется вскакивать с соломенного тюфяка по свистку унтер-офицера, будто чертик из коробочки. До этого момента я уже сделал одно важное дело – завершил начальную боевую подготовку. И был всем удовлетворен. Вот только если бы не этот надоедливый свисток, так бесивший меня по утрам. Приходилось слышать, а? Значит, вы поймете меня!

– Черт бы подрал это торчание на холоде!

Едва Ганс договорил эту фразу, как вокзальный громкоговоритель ожил, и над платформой прозвучал голос: я тут же понял, что голос принадлежал военному коменданту станции Арнем. Ничего хорошего он нам не сообщил.

«Внимание! Внимание! Всем служащим 11-го полка немедленно собраться на площади у вокзала! Внимание! Внимание! Все служащим...»

И громкоговоритель, щелкнув на прощание, умолк.

– Это еще что за дела? Дьявол! Только этого не доставало, – возмутился Ганс. – Ты хоть что-нибудь понял?

Что значит «понял»? У меня было такое чувство, что поездочка наша накрывается и поезд отправится без нас. Пока мы мчались вниз по ступенькам станционной лестницы, навьюченные как мулы, поезд уже подходил к платформе. Заскрипели тормоза, распахнулись дверцы вагонов, проводники стали объявлять о прибытии в Арнем. А для нас – для 11-го полка – все чудеса на этом закончились.

– Быстро строиться в колонну по два, – командовал обершарфюрер. – Быстро по машинам!

И не успел я опомниться, как мы уже оказались в кузове грузовика. Взревел мотор, и нас повезли знакомым маршрутом мимо кафе «Рондель» к казарме. Я не без злорадства выкрикнул:

– Запе-вай!

Меня чуть было не разорвали на части. Хорошо хоть, что рядом сидел капеллан. А что еще лучше – наш обершарфюрер занял место в кабине рядом с водителем. Капеллан в ужасе заткнул уши, а будь в кузове обершарфюрер, тот бы весь свой карандашик исписал, регистрируя нарушителей дисциплины.

Изящно вписавшись в поворот, грузовик въехал в ворота казармы, и вместо того, чтобы направиться через германскую границу в отпуск, два с лишним десятка (двадцать два человека, если уж быть точным) промерзших до костей, злых солдат вместе со своими тщательно уложенными пожитками стали прыгивать с грузовика. Мы с Гансом доложили нашему шпишу (der Spiess – нем. фельдфебель, должность, аналогичная старшине роты в советской и российской армии. – Пер.). Мы его втихомолку прозвали Юппом.

¹ Не путать с полком СС «Дойчланд». (Здесь и далее примеч. ред.)

– Сочувствую, ребята, но тут уж ничего не попишешь. Все отпуска отменены вплоть до особого распоряжения. Полк переведен в состояние боевой готовности.

Расстроенные донельзя и с бурчавшими от голода животами, мы поплелись через длинный казарменный коридор, в отведенные для нас помещения.

Казарма походила на растревоженный муравейник – все вокруг что-то развязывали, отстегивали, одним словом, распаковывались. Оберштурмфюрер (военное звание в СС, соответствующее обер-лейтенанту вермахта и старшему лейтенанту в армиях других государств) Дрекслер выстроил роту и предупредил личный состав не покидать казарму. Мы в любую минуту могли выступить. Было приказано отправить домой все личное имущество. Больше всего повезло тем, кто уже успел отбыть в отпуск. А вот мы не успели. Со всеми вытекающими.

Бесконечная колонна транспортных средств и техники полка пересекла границу Германии. Нас жутко трясло в открытых грузовиках. Зуб на зуб не попадал – и от тряски, и от снега с дождем. Мы добрались до Везеля, проехали через весь район Рура. В Дюссельдорфе наш малыш Франкенбуш совсем одурел:

– Во! Глядите! Я здесь живу!

И, вскочив, начал, как дурачок, размахивать руками.

– Смотри не вывалишься из кузова! Местный житель!

Унтершарфюрер (унтер-офицер войск СС) Гайер, ухватив Франкенбуша за ремень, оттащил от борта и усадил на место.

Во второй половине дня сквозь облака пробилось солнце. Нашим взорам во всем величии предстали очертания Кёльнского собора. Наш батальон направлялся в Кёнигсвинтер. Вскоре раздалась команда:

– Вылезай!

На рыночной площади мгновенно собралась толпа зевак – местных жителей. Ничего удивительного, Кёнигс-винтер – городишко совсем небольшой. Оберштурм-фюрер Дрекслер сообщил, что рота будет размещена на частных квартирах. Услышав это, Ганс ткнул меня в бок, да так, что я едва не выронил винтовку. Дубина! Но я тоже обрадовался. «Частные квартиры!» Это звучало почти что как музыка. Снова прозвучала команда:

– Разойдись!

Кованые сапоги тяжело забухали по камням мостовой. Вскоре какой-то дедок повел меня к себе на квартиру.

Вспоминаю какое-то питейное заведение, вроде как гаштет. Мы пели, орали во всю глотку, раскачивались в такт пению, так что тряслись даже прокопченные потолочные балки. Потом Тони взялся за аккордеон – невзирая на предписание отправить все предметы личного обихода домой, он умудрился его сохранить в огромном чехле, запрятав между снарядами ящиками. Тони растянул меха – и веселье достигло кульминации. Мы перепели все народные песни, альпийские, немецкие. Наши рулады привлекали народ с улицы, и вскоре в гаштете было не протолкнуться. Мой хозяин – он, кстати, и приволок меня сюда – хлопал меня по плечу и все повторял: «Ну, с вами не соскучишься!»

Где-то без нескольких минут десять вечера дверь вдруг распахнулась, и ввалился наш Старик. Остановившись почти у порога, он суровым взглядом обвел присутствующих в зале и поморщился от табачного дыма. Но тут же сменил гнев на милость:

– Продолжайте, чего уж там!

Пальцы Тони плясали по клавишам аккордеона. Играл он виртуозно, и мы снова распевали песенку об Eissack. Мы знали, что нашему командиру песня эта – бальзам на душу. Тони пропел последний куплет, и мы как по команде поднялись. Мы были на седьмом небе от счастья – наш Старик улыбнулся! Мы понимали, отчего его занесло в этот гаштет без двух минут

десять. Он пожелал нас испытать. Не дай бог, если бы мы не поднялись для приветствия. Он бы этого нам не простил – пришлось бы пахать так, что штаны с задницы свалились бы. Разумеется, он не уловил, что мы, пока пели, успели передать остальным – «Встать!». Старик был явно растроган, а когда мы стали хватать пилотки и ремни, смилостивился:

– К 24:00 – всем разойтись!

Стрелки часов приближались к полуночи. Тони заставил свой инструмент испустить тяжелый вздох, и мы все действительно стали расходиться. Вечер вышел на славу – развеселый и хмельной. Командир остался, пил и пел вместе с нами. Мы впервые лицезрели свое непосредственное начальство в столь непринужденном виде! Несколько лет спустя я узнал, что наш Старик погиб уже в должности командира батальона и кавалером Рыцарского креста.

Когда на следующее утро мы рассаживались по грузовикам, лишь с большой натяжкой можно было заявить, что, дескать, наша рота – «в полной боевой». Недосып и похмелье свое дело сделали – физиономии отекавшие, настроение вялое, двигались мы словно сонные мухи. Взревели двигатели, и мы из кузовов принялись махать на прощание жителям этого гостеприимного городка, собравшимся на рыночной площади проводить нас.

В отличие от минувшего дня сейчас мы мчались по автобану навстречу яркому солнцу. Интересно, куда нас все-таки везут? Тони рассуждал:

– Что-то случилось... Мы направляемся в Австрию. А оттуда и до дома рукой подать.

Каждый раз, когда вдали показывался указатель съезда с автобана, мы напряженно вглядывались вперед, следя за головной машиной. Остался в стороне Франкфурт-на-Майне, теперь мы неслись мимо Мангейма. Так что прогнозы Тони по поводу Тироля явно не сбывались – нас снова встретят милый небольшой городок и его приветливые жители. Но – где-то в верховьях Рейна. Потом мы по мосту переехали реку, миновали и Эльзас. Колонна машин змеей изгибалась на узких горных шоссе – водителям приходилось глядеть в оба, чтобы грузовик не занесло на обледенелой и заснеженной дороге. Несколько раз у меня душа в пятки уходила – мы ехали по самому краю ущелья. М-да, Вогезы – настоящие горы!

Примерно к полуночи колонна остановилась – нашим пристанищем на следующие несколько недель стала деревенька под названием Уж. Лишь по прошествии времени мы узнали, почему мы так внезапно сорвались с места. Дело в том, что германские дивизии к этому времени, оккупируя Францию, оголили многие районы, а нас перебросили для заполнения пустых мест.

В канун Рождества я стоял на посту как раз неподалеку от деревенской церквушки. Для меня, родившегося и выросшего в городе, оказаться в тот зимний, холодный вечер в деревне, да еще вдобавок и на посту, было целым событием. Над заснеженной деревней висела тишина. Все мои товарищи, оставшиеся в натопленных домах, давным-давно спали. Свет горел лишь в окнах караульного помещения. Там оставалась бодрствующая смена. Наверное, уже прикончили принесенный шписом глинтвейн. По кристально-ясному, усыпанному звездами небу было видно, что завтра предстоит еще один морозный день.

Ближе к полуночи деревенские улочки оживились. Французы отовсюду спешили к церкви – мужчины, женщины, дети. Напоминавшие призраки силуэты исчезали в дверях бокового входа в церковь. Сквозь толстые каменные стены не доносилось ни звука, лишь свет свечей, преломляясь в витраже, падал на снег.

Некоторое время спустя величественно зазвучал орган, послышалось приглушенное стенами пение церковного хора. Я стоял, слушая рождественские песнопения, уносясь мыслями далеко-далеко, на родину. Вот и мои родители сейчас, наверное, собрались за столом в гостиной. Я от души надеялся, что они получили мою посылку из Голландии.

Орган умолк. Выходившие из церкви люди разбредались по домам. Вскоре улицы опустели, будто и не было рождественской службы. С неба мягко падал пушистый снег. Стояла тишина, нарушаемая лишь хрустом снега под подошвами моих сапог.

У меня за спиной скрипнула дверь – Ганс, он пришел сменить меня.

Распоряжение о временной отмене отпусков отменено! Эту новость на построении нам сообщил шпис. Я тоже был включен в список отъезжающих. Нам было приказано немедленно собираться. В 19:00 за нами должен был прибыть грузовик и отвезти нас в Везуль. Едва дождав-шись команды «Разойдись!», я бросился собираться. Гансу тоже повезло – он ехал в отпуск.

– От души надеюсь, что на этот раз не сорвется! Хотя как знать...

– Да типун тебе на язык, пессимист чертов! – смеясь, воскликнул я.

Время до 19:00 пролетело, в общем, незаметно. Мы стояли у дверей канцелярии. Наш шпис Юпп вынес документы и роздал нам. Подъехал грузовик, и мы ввосьмером стали устраи-ваться на каких-то ящиках.

Не доежая примерно десять километров до Везуля, машина вдруг остановилась. Мотор заглох. Шофер, бранясь, пытался завести двигатель. Но тщетно.

– Вот видишь, – ворчал Ганс. – Все-таки я был прав! А теперь мы опоздаем на десятича-совой поезд в Везуле и угробим целый день.

– Ладно, черт бы вас взял! Давайте, отпускички, подтолкните ее вперед! – крикнул води-тель.

А что оставалось? Упершись в кузов, мы изо всех сил стали толкать грузовик вперед, ноги скользили по льду, мы падали, поднимались, снова толкали. Водитель в звании роттенфюрера (обер-ефрейтор войск СС) надменно заявил:

– Не сможете завести – сами виноваты!

– А ты? Получше не мог себе достать машину? Это же рухлядь! – не выдержал я. – Хотя куда тебе доверить настоящую машину – ты вон и с этой не справляешься!

Мы были на пределе. Это ж надо – получить на руки отпускное свидетельство и заторчать из-за какой-то несчастной колымаги!

– Дерьмо собачье! Заводись сию же минуту!

И грузовик, будто поняв, что мы от него хотим, завелся. Водитель резко взял с места, а мы полетели в снег. Но нам было уже наплевать на мелочи! И за десять минут до отправления поезда мы примчались на железнодорожную станцию в городе Везуль.

Как становятся мотоциклистами-посыльными

Ганса, Генриха и меня вызвали в канцелярию. Днем раньше мы вернулись из отпуска – счастливые деньки на родине унеслись в прошлое. Как здорово было просыпаться без свистка, спокойно выпить за завтраком с матерью кружку кофе, провести весь день как душа пожелает... Вечерами мы беседовали с отцом в теплой гостиной, он рассказывал мне о своей работе, а иногда я с младшим братишкой играл «в паровозики» на полу.

– Нет, Ганс, ты сам еще ребенок. Посмотрели бы на тебя сейчас твои товарищи! – улыбалась мать.

– Ну и что? Они бы только обрадовались побыть вот здесь, в этой уютной гостиной! С превеликим удовольствием ползали бы по полу и вспоминали бы детство. А не торчали бы где-нибудь на посту в холод.

* * *

В канцелярии шпис объявил, что нас срочно переводят в Витри в мотоциклетный батальон (SS Krad-schtoenbatailon «Das Reich»). К 8 часам утра нам было приказано явиться в расположение батальона и доложить о прибытии.

– Яволь (есть)! – нестройно ответили мы и вскоре стояли на улице. Этого перевода мы никак не ожидали! Но кто спрашивает рядового солдата? Грустно было расставаться с теми, с кем провел ни много ни мало год, делил горести и радости... Мы побрели в казарму собирать нехитрые солдатские пожитки.

Но в тот день была суббота! Унтершарфюрер Гайер отвечал за уборку территории. Мы доложили ему о переводе. Все наши, кто был неподалеку, прислушивались. Гайер полгода был нашим командиром отделения – человеком прямым и честным. Мы считали его образцовым младшим командиром. Нельзя сказать, что он обеспечивал нам «легкую жизнь», куда там! Как раз при нем мы пахали как проклятые. Дело в том, что он делал из нас солдат, это было для него самым главным. Гайер был родом из Баварии, а по профессии – таможенником.

И вообще, наша группа представляла собой любопытное смешение. Своего рода социальный срез Германии. Вилли Бальц был самым старшим из нас. Лишь пару месяцев спустя мы выяснили, что он был фельдмейстером в РАД (Reichsarbeitsdienst, RAD – Имперская служба труда; фельдмейстер – чин в РАД, соответствующий унтер-офицеру вермахта). Бальц пришел в ваффен СС добровольцем, как и все мы, поэтому начинал с рядового. Он воспринял это стоически, чем, надо сказать, «заразил» и всех нас – если кто-то из нас был на пределе сил, достаточно было взглянуть на Вилли Бальца. Его пример вдохновлял всех без исключения. Позже я случайно встретился с ним под Москвой, Бальц тогда уже был в чине унтерштурмфюрера (эсэсовское офицерское звание, соответствующее младшему лейтенанту вермахта). Именно там, под Москвой, он и погиб! Бальц был родом из Шварцвальда.

Самым большим тихоней из нас был, наверное, Бреннер, молодой фольксдойче из Трансильвании. Все приказы и распоряжения начальства Бреннер выполнял спокойно, без пререканий, аккуратно и в срок. А вот берлинец Рихтер был полной ему противоположностью. Несмотря на грубую речь, несдержанность и непоседливость, у этого парня было воистину золотое сердце.

Нашим «сыном» был Генрих Плекер. Ему исполнилось шестнадцать лет, но Плекер был прирожденным солдатом. По части строевой подготовки ему не было равных. Плекер был родом из Нижнего Рейна.

Франкенбуш, уроженец Рурской области, был чуток медлительным по натуре. Все доходило до него не сразу, и Гайеру не раз приходилось ему разжевывать, что он него требовалось. Чего нельзя было сказать об остальных – мы понимали своего командира с полуслова.

Тони уже упоминался в самом начале. Тони был родом из Южного Тироля и обожал во все совать нос. Другие роты даже завидовали, что у нас служит Тони. Когда 3-я рота маршем покидала Арнем, нам приказали «Запевай!», и Тони такие рулады выдавал в своем родном тирольском стиле, что даже голландцы и те не удержались от смеха.

Ганс Фюрер был нашим «снабженцем» по части провианта – его родители владели фермой в Восточной Пруссии в Гольдапе. Оттуда нередко приходили внушительные продуктовые посылки.

Заместителем командира отделения был штурманн (ефрейтор войск СС) Вайд. Этот человек неспособен был и мухи обидеть и всегда был готов помочь любому советом и делом. Родом он был с побережья Северного моря.

Будучи уроженцем центральной части Германии, я завершал этнографическую картину. Все в нашем отделении любили спорт.

И вот теперь предстояло расстаться с этими чудесными ребятами! И тут на выручку подошел, как всегда, Гайер.

– Как вы думаете, сколько раз мне приходилось менять подразделение, пока я не оказался здесь с вами? И этот перевод – не последний в вашей жизни. Ваф-фен-СС – войска новые, численность их постоянно растет, поэтому и постоянные переводы из одной части в другую. Ничего страшного – повсюду вы найдете достойных боевых товарищей. И насколько я вас знаю, вы вмиг найдете общий язык с ними на новом месте службы.

Вилли поставил нам бутылку шнапса, рассказывал массу любопытных историй про службу в RAD, одним словом, подбодрил нас.

Мы явились в канцелярию, после чего, навьюченные как ослы, семь километров тащились на своих двоих до Витри. Надо сказать, вид у нас был не самый бодрый – вечернее прощание мы, разумеется, spritzнули. И как следует. В Витри мы постепенно убеждались, что наша троица – одна из первых из прибывших. Вскоре явился и наш командир взвода унтерштурмфюрер Шедлих. Несколько рядовых оказались зачислены в 4-ю роту (4-я рота тяжелого оружия мотоциклетного батальона дивизии «Дас Райх»), а остальные – во вновь формируемый батальон штурмовых орудий дивизии (батальон штурмовых орудий² дивизии СС «Дас Райх»).

Как полагалось, мы явились в канцелярию батальона доложить о прибытии. Там выяснилось, что меня с Гансом определили в отделение мотоциклистов-по-сылных, а Генриху было приказано прибыть в распоряжение 4-й роты. Нам с Генрихом позже несколько раз приходилось встречаться и в Сербии, и в России; в последний раз он уже дослужился до обершарфюрера (фельдфебеля) – тогда наша встреча состоялась уже в 1944 году в Саарской области.

Как мне удалось выяснить позже, возможно, лишь двое из нас, не считая меня, – долговязый Армбрустер, закончивший войну танкистом, и Генрих – остались в живых из всего взвода. То есть если предположить, что ни Армбрустера, ни Генриха не убили в последних боях 1945 года. Такова была участь трех десятков молодых людей, средний возраст которых не превышал восемнадцать лет!

– Ты как здесь очутился? – изумленно воскликнул Ганс. – Ты что же, езду на мотоцикле освоил?

– Я? Откуда! Хорошо, что отличу мотоцикл от самолета... Мотоцикл... ну, у него, в общем, два или три колеса, спереди рулевое, сзади выхлопные трубы. А самое главное – он жутко тарыхтит! Вот и все мои познания об этой технике!

² Первоначально батарея штурмовых орудий.

Мы ровным счетом ничего не ведали о том, что такое отделение мотоциклистов-посыльных. Зато знали другое: в армии фраза типа «не могу» практически не употребляется. Если армейская служба способна научить даже мышонка горланить строевые песни, тогда почему бы в таком случае не натаскать двух рядовых бойцов гонять на мотоциклах?

Отделение мотоциклистов-посыльных размещалось в двухэтажном здании. Несколько человек валялись на койках и мельком взглянули на нас. Рассовав вещи по двум пустовавшим тумбочкам, мы стали ждать. Выяснилось, что и остальные, кто здесь находился, прибыли только пару дней назад, хотя у них было преимущество – они прошли курсы вождения мотоциклов.

– Вам повезло, ребята, – мы вообще мотоциклов в глаза не видели, – признался Ганс.

– Ну и на что вы здесь рассчитываете, друзья? – осведомился какой-то веснушчатый солдатик.

Его слова задели меня за живое.

– Ты думаешь, мы по доброй воле притащились сюда? Знаешь, мы куда с большей охотой остались бы со своими товарищами!

– Ну ладно, ладно, – примирительно произнес солдат. – Ждите, и вам все объяснят. Мы тоже здесь все из разных мест и тоже предпочли бы остаться там, откуда прибыли.

Тут распахнулась дверь, и появился худощавый унтершарфюрер.

– Меня зовут Бахмайер. Надеюсь, мы с вами поладим. Мы сейчас формируем из вновь прибывших отделение мотоциклистов-посыльных в составе только что сформированного мотоциклетного батальона дивизии. С утра приступаем к обязанностям.

Мы назвали наши фамилии, откуда прибыли и откуда родом. Насчет того, умеем ли мы управлять мотоциклами, Бахмайер и не заикнулся. Видимо, считал это само собой разумеющимся.

Кого тут только не было. Впрочем, такая же картина была во всех частях ваффен СС. Рядовой двадцати пяти лет от роду считался чуть ли не стариком, в основном всем было лет по восемнадцать – девятнадцать. Такой нашелся и здесь. Его звали Вольф, и вскоре выяснилось, что он был классным парнем! Веснушчатого звали Бела, и он был из Померании. Ципп и Хубер представляли Швабию (юго-запад Германии, район Штутгарта). Их выдавал характерный акцент. Швенк был из Мангейма, а Вагнер – с побережья Северного моря. Ну а насчет нас с Гансом у читателя вопросов быть не должно – мы уже представлялись.

Ели мы молча, пребывая в раздумье. Что же будет утром, когда дело дойдет до мотоциклов?

– Да, ребята, вам крупно не повезло. Раз не умеете водить мотоцикл – считай, могила!

Такое мог отмочить только Бела-померанец. Это парень действовал мне на нервы, и я уже раскрыл было рот, чтобы ответить ему как положено. Но...

– Давайте-ка я вас кое-куда отведу. Получите наставления по вождению!

Поев, мы пошли с ним. Бела отвел нас на первый этаж.

Когда-то здесь размещался склад или что-то вроде. Сейчас его превратили в автопарк, вернее, в мотопарк. Вдоль стены помещения рядом стояли новенькие мотоциклы NSU. Возбравшись на один из них, Бела завел мотоцикл и проехал до конца мотопарка, затем, развернувшись, вернулся к нам. Мы и рты пораскрывали. Да, этот веснушчатый уроженец Померании умел обращаться с машиной. И тут я подумал про себя: «Нет, дружище, тебе за ним не угнаться!» А потом стал проклинать начальство, отправившее нас сюда без соответствующей подготовки.

Остановив мотоцикл и заглушив мотор, Бела стал объяснять основы – как запускать двигатель, переключать передачи, увеличивать подачу рабочей смеси в двигатель ручкой газа на руле.

– Ну а теперь ты попробуй!

И жестом велел мне садиться.

Я попытался запустить двигатель, но педаль пускового рычага крепко заехала мне по голени.

– Ну, теперь давай садись на него верхом. Потом медленно отпуская сцепление и добавляй газу.

Со сцеплением я справился, а вот газу поддал многовато. Если бы не Бела, я точно бы грохнулся на бетонный пол вместе с мотоциклом.

– Ладно, ладно, ерунда... Начнем сначала, – добродушно ухмыльнулся житель Померании. – Не надо сильно вращать сектор газа.

На этот раз я действовал куда осторожнее, в полном соответствии с полученными от Белы указаниями. И – о, чудо! – машина тронулась с места! Но, черт возьми, как же ее остановить? Бела про тормоза словом не обмолвился, а может, я впопыхах все перезабыл. Ведущая наружу дверь угрожающе приближалась. Причем она не была распахнута настежь, а закрыта.

– Тормози! Тормози! – завопили все.

И тут я совершенно случайно, действуя наугад, ногой нажал на какой-то рычаг, оказалось, тормоз, и машина заглохла. Следующим пробную поездку совершал

Ганс. Без происшествий. В результате мы все-таки имели представление о том, как с этой штуковиной обращаться. Ну а остальное, думали мы, остальное дело практики. И времени.

– Ничего, ничего, – пытался воодушевить нас Бела. – Хоть с грехом пополам, но азы вы освоили.

Вообще-то тот самый первый вечер прошел не без пользы. Выяснилось, что этот Бела в свои девятнадцать лет очень неплохо разбирался в мотоциклах. Его родители были циркачами, и он вместе с ними выступал на ярмарках. Родители специализировались на мотогонках по вертикальной стене. Сначала еще мальчишкой он сидел на заднем сиденье, а когда подрос, и сам выполнял кое-какие трюки. И теперь здесь ему цены не было как нашему первому инструктору. И вообще, выяснилось, что этот Бела – парень что надо. Как, впрочем, и остальные. И уже засыпая, я подумал, что, дескать, может, наше назначение в мотоциклетный разведвзвод оказалось вовсе не таким уж и плохим.

На следующее утро мы вывели мотоциклы наружу и стали дожидаться Бахмайера. Вольф доложил о построении. Бахмайер начал первый день занятий такими словами:

– Ездить вы все умеете. Сейчас надо будет проехать кругом, а потом колонной.

У нас была возможность предупредить, что, собственно, *управлять* мотоциклом мы не умеем. Что уж нас подвигло на молчание – то ли эта, с позволения сказать, поездка в мотопарке минувшим вечером, то ли трусость заявить об этом определенно, сказать трудно, но факт остается фактом – мы не проронили ни слова.

– Вольф, начинайте!

Вольф завел мотоцикл и уселся на него. И, резко взяв с места, исчез за первым же углом. За ним последовали и другие. Дошла очередь и до нас с Гансом.

Сначала машину слегка потряхивало. Мало-помалу управление мотоциклом стало мне даваться. Сначала я отметил это с некоторой долей недоверия, но вскоре убедился – мотоцикл слушается меня! Я ехал! И на открытом пространстве дело, оказывается, шло куда лучше, чем вчера в мотопарке.

Хотите верьте, хотите нет, я очутился на дороге на Уж. И ехал сам! Ощущение, как машина слушается тебя, стоит лишь слегка крутить рукоять газа, опьяняло. Вскоре я уже въезжал в Уж и видел изумленные физиономии своих товарищей. Вот так, ребята! Попробуйте теперь угонитесь за мной!

Чуть ли не вся рота высыпала на улицу и стояла у входа в канцелярию. А я как ни в чем не бывало нажал на сигнал. Прогудел им в знак приветствия. И все как по команде почтительно уставились на меня. Шпису явно не понравилось, что я спутал ему карты, – он явно

затеял что-то с личным составом. Он стал жестами отчаянно призывать меня принять вправо и остановиться. Я бы и рад, но, как назло, напрочь позабыл, как останавливаться. Все-таки моя первая поездка. Не все же сразу. Но тут обершарфюрер Штрауб подскочил ко мне и помог мне справиться с мотоциклом. А я не сразу понял, как шлепнулся на дорогу.

Дело в том, что я целиком положился на ручной тормоз. Для меня было все одно – что ручник, что ножной тормоз. Но я не знал, что принципы торможения этих устройств совершенно разные. Все вокруг хохотали до упаду, и это быстро привело меня в чувство. Даже шпис и тот изобразил на строгом лице подобие улыбки. Тут, на мое счастье, откуда-то появился оберштурмфюрер Дрекслер и, покачав головой, осведомился:

– За исключением этого, все нормально?

– Так точно, оберштурмфюрер, все нормально! – выпалил я.

А рота тем временем снова корчилась от хохота. Взглянув на погнутую ножную опору, я понял, что поторопился заверить командира в том, что, мол, все в порядке. Шпис из всех сил пытался утихомирить подразделение, чтобы иметь возможность по форме доложить оберштурмфюреру. Я поднял мотоцикл и, прихрамывая, покатил его прочь, подальше от толпы.

Я завел мотоцикл и осторожно направился назад в Витри. Там ухитрились не заметить мое довольно долгое отсутствие. Только Бела, этот прожженный мотоциклист, сразу же усек, что опора для ноги погнута. И заговорщически мне подмигнул.

Мы все вместе проехали в направлении Ланжа, и нашим взорам открылось живописное зрелище. Поездка прошла без происшествий.

Следующие дни были заполнены до отказа: сплошные занятия – по военной топографии, мы отработывали навыки ориентирования на местности по компасу, зазубривали тактические знаки. Нас учили и ориентироваться по звездам – для этого Бахмайер гонял нас по местности и в темное время суток. Он ни минуты не упускал, даже дождь не должен был, по его мнению, нанести ущерб занятиям. А занятия эти до боли напоминали уже полузабытую начальную подготовку.

Батальон постепенно формировался. В основном он состоял из собранных мотоциклетных рот отдельных полков. Личный состав складывался из солдат, прослуживших более года. Некоторые из них уже успели принять участие в Польской и Французской кампаниях. Все без исключения пошли на службу добровольцами в 1939–1940 годах. Командир батальона штурмбаннфюрер (звание в СС, соответствующее майору вермахта) Зехендер был тем, кто решил сплавить наше сборище в настоящее, единое боевое подразделение. Учения проводились как на ротном, так и на батальонном уровнях. Завершали подготовку дивизионные учения. Командующий дивизией группенфюрер (звание в войсках СС, соответствующее генерал-лейтенанту вермахта) Хауссер имел все основания гордиться нашей боевой выучкой.

Однажды я чудом избежал трех суток ареста. Все началось ранним утром. Мы должны были поддерживать порядок в спальном помещении, аккуратно заправлять койки и так далее и дожидаться проверяющего внутренний распорядок унтер-офицера. В то утро явился роттенфюрер (обер-ефрейтор войск СС) Бауэр, по должности батальонный сапожник.

Вольф доложил ему по всей форме. Физиономия Бауэра недовольно скривилась, и он стал ходить от тумбочки к тумбочке. Слепой бы увидел, что он искал, к чему бы придаться. Чтобы кто-нибудь в чине роттенфюрера исполнял обязанности дежурного по батальону, было редкостью, но в тот день именно Бауэра и назначили. В тумбочках придаться было не к чему. Он стал приглядываться к койкам, но и койки были заправлены в полном соответствии с указаниями. Нас даже стал разбирать смех. Бауэр подошел к окну, тут все и началось.

Бела, поленившийся вычистить сапоги с вечера, услышав приближение Бауэра, скоренько вывесил сапоги за окно, чтобы дежурный по батальону их не заметил. Но явно не рассчитал. Бауэр высунулся из окна, видимо ненароком задел сапоги Белы, и те шлепнулись вниз

со второго этажа. Счастье, что они не свалились на голову кому-нибудь из старших офицеров! Бауэр расвирился. Резко повернувшись, он стал бегать по казарме, разбрасывая заправленные койки, пиная ногой табуретки, одним словом, одурел. Да и нас его выходки взбесили не на шутку.

– Ублюдок чокнутый! – вырвалось у меня.

Сам не пойму, как это вышло.

– Кто это сказал? – выкрикнул Бауэр.

– Я, роттенфюрер! – вытянувшись в струнку, доложил я.

Мне уже было наплевать на все.

– Ну, погодите, господин хороший. Я вам такое устрою!

Четверть часа спустя я стоял по стойке «смирно» перед нашим шписом. Вопреки ожиданиям, шпис особо не разглагольствовал, лишь приказав мне в 11:00 доложить об инциденте адъютанту батальона. Унтершарфюрер Бахмайер, надо сказать, в полной мере воспользовался предоставленным мне и ему временем до 11 часов. Такую головомойку мне устроил! В общем, весь день был изгажен, тем более что никакой вины за собой я не чувствовал. Понятно, что дежурный по батальону отвечает за внутренний распорядок, но кто дал ему право разбрасывать койки, пинать ногами тумбочки и табуреты? Мы вполне могли доложить о подобном безобразии нашему шпису, и были бы правы. Но только при условии, что я держал бы рот на замке! Ну а теперь было поздно рассуждать.

Минута в минуту в 11:00 я явился к адъютанту батальона. По всей форме. В надраенной до блеска каске, в начищенных сапогах, в тщательно отутюженной форме. Сердце ушло в пятки. Я не сомневался, что все кончится арестом на трое суток.

– Вы понимаете, за что вас вызвали сюда?

– Так точно, унтерштурмфюрер.

– На что же вы рассчитываете?

– На трое суток ареста, унтерштурмфюрер!

– Ошибаетесь. Думаю, вам пойдет на пользу час строевой после вечернего построения.

Можете идти!

Бог ты мой, значит, все-таки не сутки!

Но я напрасно радовался. Мой унтершарфюрер погонял меня по полной программе: вперед шагом марш, ружье на караул, ружье к ноге, на плечо, движение ползком, встать, лечь, встать, лечь... И все это в грязи, в пыли, не на травке. Перспектива проторчать трое суток на гауптвахте показалась мне раем.

Как я добрался в тот вечер до койки, помню с трудом. Но и роттенфюрера Бауэра мы с тех пор больше не видели дежурным по батальону.

На грузовике мы направлялись в Везуль. За несколько дней до этого мы сдали свои мотоциклы NSU-250. И теперь ехали получать новые. Мы ничего не имели против того, чтобы смотреть в Везуль, – как-никак разнообразие. Нашим единственным развлечением было приходить по вечерам на крохотную станцию Витри да глазеть на проходящие поезда.

Прибыв на место, мы увидели новые мотоциклы. Боже, да это же не мотоциклы, а заглядение – не какая-то там рухлядь, а BMW-600! Мы рты раскрыли от изумления. Телескопические амортизаторы сзади и спереди, два цилиндра, ножное и ручное переключение передач – в общем, сказка!

Я страшно боялся съезжать с грузовой платформы. Но все же практическая езда свое дело сделала – какой-то опыт я все же приобрел. Тем не менее разве можно было назвать меня опытным водилой? Но каким-то образом все прошло относительно гладко, и в конце концов мы стояли на привокзальной площади, любуясь нашими новенькими машинами. Проходившие

мимо наши солдаты глазам поверить не могли – кое-кто из них хотя и разбирался в мотоциклах, ничего подобного раньше не видел.

Когда Бахмайер и еще двое мотоциклистов-колясочников выехали на своих новых «Цюндаппах-750» на дорогу, мы отправились за ними. Хотя я был и новичком, но я помню ощущение, когда ты управляешь такой потрясающей техникой. На приличной скорости мы миновали Везуль и выехали на дорогу на Витри. Мы чувствовали, что наша новая техника способна на большее. Ехавший позади меня Бела хохотал во все горло – этот парень был в своей стихии.

К нашему удивлению, по прибытии в Витри мы обнаружили, что Хубер на своем мотоцикле с коляской так и не прибыл. И никто не знал, где он и что с ним. Бахмайер вместе с Белой на мотоциклах отправились на поиски. Пару часов спустя они вернулись, притащив на буксире машину Хубера. Сам Хубер полулежал в коляске мотоцикла Бахмайера и был без сознания. Выяснилось, что он съехал с дороги на одном из поворотов и незаметно для остальных рухнул в придорожный кустарник, за которым стояло дерево. Именно это дерево и остановило его! Хубер слетел с сиденья и ударился о землю. К счастью, отделался ушибами. А мотоцикл получил, так сказать, «боевое крещение» – несколько глубоких царапин. Хубер два дня пролежал в санчасти. Так что в целом все обошлось благополучно.

Марш

На вечернем построении шпис объявил: «Завтра утром в 10 часов батальону быть готовым к следованию маршем с техникой. Батальон подлежит переброске. Разойдись!»

Начались оживленные обсуждения: куда перебрасывают? Один утверждал, что туда-то, другой – в совершенно другое место. Мгновенно расползались слухи. Нас с Гансом беспокоили наши «навыки вождения» мотоцикла. Хотя мы уже кое-что могли после тренировок на наших NSU, мы сомневались насчет того, хватит ли этих навыков для управления машинами BMW. Да еще в темное время суток! Да еще в составе колонны! Мы, можно сказать, и садились на них всего ничего – пару раз от силы.

Боевая подготовка мотоциклистов-посыльных завершилась. Теперь мы уже могли без труда назвать любую звезду на небосводе. Ориентирование в ночное время без каких-либо вспомогательных средств проблем не представляло – естественно, при наличии безоблачного неба. Компас отныне был нашим оружием, а чтение карт – не сложнее детской забавы. Мы с ходу различали тактические обозначения всех вооружений и служб. Бахмайер втемяшил в наши головы все необходимые для разведчика знания. Во избежание всяких сомнений адъютант батальона устроил нам экзамен по всем предметам. Кроме проверки практических навыков езды на мотоцикле.

Ганс решил поставить точку:

– Хватит об этом, Гельмут. Как-нибудь разберемся с этими грозными машинами.

Ровно в 10:00 командир принял рапорт о построении батальона. Вся техника и транспортные средства выстроились на главной улице Витри. Машина Старика следовала в голове колонны, затем мы на мотоциклах, передвижная радиостанция взвода связи, санитарные машины, за ними ремонтники, снабженцы, интенданты, хозяйственники и, кроме того, грузовики с боеприпасами.

Чуть в стороне от главной улицы Витри расположились тупорылые грузовички «Крупп» (1,5 т), на них – рота тяжелого оружия – три 37-мм противотанковые пушки и два пехотных орудия, а также взвод саперов (4-я рота мотоциклетного батальона дивизии СС «Дас Райх»), пехотные пулеметы 5-й роты. Все ждали сигнала к отправке.

Среди старослужащих бытовала поговорка – «Половина солдатской службы – дурацкое ожидание». В нашем случае она не утратила актуальности. После того как мы битый час топтались около машин, последовала команда «Отбой!». Циппа оставили сторожить машины, а все остальные разбрелись по городку.

На углу у поворота к железнодорожной станции мы встретили Жана. И опустошили с ним не один стакан вина в ресторанчике на главной улице. Впервые мы встретились, когда он сидел за столиком рядом, зажав большую рюмку с коньяком между ладонями. Подождет пару минут, отопьет плоточек, потом снова пауза, после нее – еще один. Сидя за столом, он до ужаса напоминал белку. Мы не могли удержаться от смеха. Он не мог не заметить этого. На его физиономии, наполовину скрытой надвинутым на нос беретом, проступили черты недовольства. Мы тогда подумали, что, мол, вот сидит бедняга и этот коньяк – единственное его утешение в жизни. Бела попытался было позвать его к нам за столик, угостить винцом. Жан согласился, подсел к нам, а когда он на чистейшем немецком стал объяснять нам, что сразу сообразил, что нас в нем так развеселило, мы едва со стульев не попадали.

– Вы, немцы, варвары. Вы и понятия не имеете о том, как надо пить, чтобы изгнать из души печаль.

– Ну, так уж и варвары! Это ты явно загнул! – запротестовал Бела.

– Ничего подобного, – не согласился Жан. – Вы ведь как пьете? Хвать стакан и залпом выливаете содержимое в глотку.

Мы понимали, что вино, конечно, принято пить глотками. Но чтобы коньяк? Жан потом объяснил нам, как пьют коньяк – надо пить его не спеша, маленькими глотками, ладонями согревая бокал или рюмку, и – главное – вдыхать его аромат. И в тот вечер мы изрядно напрактиковались по части поглощения этого чудо-напитка, причем Жан недурно угостил нас.

После этого случая мы еще не раз выпивали с ним. Он рассказал нам о том, как побывал в немецком плену во время Первой мировой войны и до сих пор был благодарен «патрону», у которого работал. Постепенно к нам присаживались и другие французы, они по-немецки не понимали ни слова, однако в лице Жана мы обрели весьма умелого переводчика.

Для нас, молодых, если не сказать – сопляков, эти вечера были страшно интересны. Надо сказать, французы, в том числе и Жан, далеко не во всем соглашались с нами. Куда там! Они были настоящими патриотами и любили свою Францию. Это становилось ясно, стоило с ними парой слов переброситься. И все же из их слов нетрудно было заключить, что они с определенной долей зависти относились к Германии. И то, что Германия за считанные годы сумела достичь такой экономической мощи, полностью устранить безработицу и в первую очередь создать могучую армию, сумевшую без особого труда завоевать Францию, поражало их, и они этого не скрывали. Они с горечью признавались нам, что их насквозь прогнивший режим, вернее, постоянно сменявшиеся лидеры и правительства довели Францию до того, что она оказалась не в состоянии даже защитить себя, и вот результат: страна оккупирована Германией.

Мы, молодые солдаты, вынесли из этих встреч одно: ни мы, солдаты Германии, ни эти французские крестьяне не испытывали друг к другу никакой ненависти. Из этого нетрудно было сделать вывод, что простой француз может работать ничуть не хуже своего собрата за Рейном.

Бойцы французского Сопротивления, или «маки», как их называли, хоть и составляли достаточно многочисленную группу населения, однако подавляющее большинство жителей Франции вполне уживалось с нами, солдатами. Всякого рода бесчинства участились лишь в последние месяцы оккупации страны. Существовали силы, подстрекавшие население к враждебным действиям против немцев, в точности так же, как и немцы в ответ на упомянутые враждебные действия стали отвечать эскалацией насилия.

Но вернемся к весне 1941 года! Жан радушно приветствовал нас. Он уже знал, что мы уходим из Витри, и всеми силами пытался затащить нас в деревенский кабачок. Уж и не помню, как нам все же удалось убедить его, что мы, дескать, на службе и пить нам строжайше воспрещено.

– Эх, ребятки, ребятки! Для нас Франции уже пришел конец, и я от всего сердца желаю вам поскорее вернуться домой!

Жан ошибся в своих прорицаниях. Знай он, что нас ждет впереди, какие кровавые, кошмарные сражения, этот француз, скорее всего, не был бы столь оптимистичен в своих прогнозах.

Наступил полдень. Мы получили свой обед у полевой кухни и сидели у машин, опустошая котелки.

Мнение Бахмайера:

– Сегодня мы точно отправимся. Поэтому от машин не отходить.

Примерно в 16 часов я случайно взглянул на заднее колесо моего мотоцикла. И чуть не упал в обморок – шина спустила! Мы без промедления приступили к работе. Не дай бог, сейчас дадут сигнал. Как мне быть тогда? Но с помощью Белы и Ганса мы скоренько залатали камеру. На всякий случай я уселся на мотоцикл и совершил пробную поездку. Заплата не отвалилась! Еще немного опыта в копилку – как латать пробитые камеры. И никто ни из нас, ни из наших командиров и не подумал учить нас этому заранее.

В конце концов приказ все же поступил. Уже совсем стемнело.

– По машинам! Запустить двигатели!

И вокруг зарокотало, зарычало.

Для нас, вновь прибывших, следование маршем в колонне было делом невиданным – все происходило впервые. Поэтому были предельно внимательны. Свет фар едва освещал дорогу, больше с толку сбивал, чем помогал. Постепенно по мере продвижения колонны в нее встраивались остальные роты. С мотоциклетным батальоном в голове дивизия СС «Дас Райх» начала знаменательный марш из Франции через Германию, Австрию, Венгрию и Румынию – в Югославию. Но мы, простые солдаты, тогда ничего еще не знали. Узнавать маршрут следования приходилось постепенно, по мере продвижения – необходимо было соблюдать режим секретности.

Гигантской змеей колонна через горные дороги миновала Вогезы. Пока что у меня никаких досадных инцидентов не происходило. Мотор гудел, было приятно управлять мотоциклом, и я все чаще и чаще ловил себя на мысли, что мне повезло – ведь как все-таки здорово попасть в KradscMtzen – в мотоциклисты.

Все шло как по маслу до тех пор, пока... Пока вдруг не начались перебои двигателя. Один за другим меня обгоняли мои товарищи. Проехали и штабные машины. Я закрывал подачу рабочей смеси в цилиндры, снова открывал, глушил двигатель, снова заводил. Без толку.

Мой мотоцикл при полном газе едва дотягивал до 40 км в час. Проехала 1-я рота, за ней – 2-я, потом 3-я, 4-я и, наконец, 5-я. Потом уже никого не было. Я решил остановиться. Черт побери, в чем же все-таки дело?

Дав двигателю остыть, что заняло довольно много времени, я снова попытался ехать. Та же история. Мимо пронеслись грузовики пехотного полка СС «Германия». Темнота. Мое настроение молниеносно падало до нуля. Было по-настоящему темно – хоть глаз выколи. Отведя мотоцикл на обочину, я поплотнее укутался в шинель и прилег рядом с машиной. Под монотонный гул проезжавшей мимо техники я незаметно уснул.

Открыв глаза, я убедился, что уже давно день. Вокруг ни души. Выходит, я один в этих Вогезах и понятия не имею, что делать. Ничего страшно, уговаривал я себя, только не терять выдержки. Кто-нибудь да проедет здесь, обязательно проедет. Усевшись у дороги, я распаковал сухой паек и стал завтракать. Проезжавшие мимо машины вселяли в меня надежду, что водители дадут знать нашим, а те пришлют кого-нибудь мне на подмогу. В конце концов, затормозила штабная машина, и, к моей величайшей радости, из нее вылез обершарфюрер из ремонтных мастерских. Он определил по моему BMW, откуда я – в дивизии такая техника была только у нас, да и соответствующий тактический знак тоже успели наклеить на крыле.

– Что случилось с машиной? – первым делом осведомился ремонтник.

– Если бы я только знал, обершарфюрер. Что-то с двигателем. Открыл заслонку, а он больше сорока не выжимает.

Обершарфюрер с сомнением посмотрел на меня.

– Заводите!

Едва двигатель запустился, как ремонтник возопил:

– Бог ты мой! Парень, неужели ты не слышишь, что он на одном цилиндре работает? Ты хоть свечи проверял?

– Никак нет.

– То есть? И таким, как ты, доверяют технику?!

Я готов был с ним согласиться. Он вернулся к машине, принес свечу и самолично заменил ее. Взяв старую, он ткнул мне ее под нос:

– Вот! Приглядишься – свеча вся забита маслом!

Я стоял как идиот, не в силах и слова вымолвить. Мотор работал, теперь я уже по звуку определил, что он работает по-другому.

– Яволь! – ответил я на всякий случай.

– Ну а теперь давай нагоняй – Кольмар, Фрайбург-им-Брайсгау, Донауэшинген. И как можно скорее догони свой батальон. Вот тебе свеча про запас.

Я рванул с места, дав себе зарок иметь при себе как минимум мешок запасных свечей.

Да, история! Нечего сказать. Узнай об этом мои товарищи, год будут напоминать, как я на одном цилиндре катался. Ведь дело и выеденного яйца не стоило – пять минут, и езжай дальше. А я свечу воткнуть не мог. Потому что не знал. А теперь всю дивизию вперед пропустил. Легко говорить о недогадливости, но я ведь был новичком в этом деле. К тому же мы и эти BMW только что получили. Кто нас учил на матчасти? Ни одного занятия не было! Разве что вождение, да и то кое-как. По наитию.

Я ехал по шоссе, и с каждым километром мое настроение улучшалось. Едва переехав Рейн, я разглядел далеко впереди батальон снабжения. В Хёллентале такой же, как и мой, BMW стоял около маленькой гостиницы. Я, долго не раздумывая, остановился. И в этот момент в дверях показался Бела.

– Где это тебя носило?

Я напелл ему про спущенное колесо. Бело недоверчиво посмотрел на меня:

– И ты сам справился?

Он-то хорошо все понимал.

– Почему бы и нет? А вот чего ты здесь заторчал? – перешел в наступление я.

– Ну-ну, колесо спустило, – пробурчал Бела. – Думаешь, я ничего не соображаю? Думаешь, поверю, что ты ехал и ехал без отдыха? И даже ни разу не остановился, чтобы хотя бы полюбоваться на пейзаж? Ни за что не поверю!

Мне еще только предстояло изучить все хитрости, связанные с самостоятельным (без начальства под боком) передвижением на мотоцикле.

В тот же вечер часам к одиннадцати мы добрались до Донауэшингена. Бахмайер без дальнейших расспросов выслушал наш доклад. Он был рад уже тому, что мы благополучно добрались. В ходе марша, который нам предстоял, еще не раз возникали ситуации, когда кто-то из нас пропадал неведь куда. Конечно, это случалось и вследствие поломок в пути, но отнюдь не всегда. Было немало случаев, когда мотоциклисты лишь ссылались на поломки, а дело было совершенно в другом. Главное, что из шести человек мотоциклистов-по-сылных по крайней мере пять оказывались в нужный момент под рукой.

Например, один эпизод, произошедший между Меммингеном и Мюнхеном, поразил меня до глубины души. Дело было так: я ехал передать распоряжение шпису. Выполнив распоряжение, я на полном газу устремился назад, в голову колонны. День выдался знойный, и у меня в горле пересохло. А тут небольшая придорожная гостиница. Я остановился. Едва открыв дверь, и на тебе! Знакомые лица – Ципп, Бела, Ганс и Швенк. Расселись, будто отпускники.

– Вы что, с ума посходили? А если кто из начальства подвалит и увидит вас здесь?

– Это ты с ума сошел, – отпаривал Швенк. – Ты один поставил мотоцикл прямо у входа – мол, пусть все видят. А мы свои спрятали за домом. А теперь присядь и взгляни, какой обзор из окна – все подходы как на ладони! Если мы кого заметим, тут же смоемся через заднюю дверь. Вот так-то!

М-да, мне еще учиться и учиться.

* * *

Батальон разместился на ночь (это была уже вторая ночь в пути) где-то на окраине Мюнхена. Усталые, мы буквально свалились на сено, которым был устлан пол зала в местной гимназии. Ночью Бела и Ципп отправились в штаб дивизии передать донесения. Дошла в конце концов очередь и до нас. Не успели мы проспать и трех часов, как нас подняли. «Продолжать движение!» Снова взревели двигатели, и колонна двинулась вперед. Еще не рассвело – Мюн-

хен лежал во тьме. Моторы гудели, отражаясь о стен домов. Уверен, не один из мюнхенцев в тот момент проклинал нас. Шутка сказать – один только наш батальон имел в распоряжении до пятисот транспортных средств. А тут еще и остальные средства передвижения и техника дивизии – грузовики с пехотинцами, артиллерийские тягачи, большегрузные машины, бронетранспортеры. И вся эта техника в течение нескольких часов шла через столицу Баварии.

Дорожный указатель – Браунау-ам-Инн! Ну, вот и пора, подумал я. Наши «поломки в пути» постепенно принимали все более и более изощренные формы. Дав знак ехавшему за мной Циппу, я свернул на обочину. Склонился над двигателем, покачал головой, разыгрывая озабоченность. Потом, дождавшись перерыва в движении колонны, юркнул вправо.

Всю следующую ночь наша колонна двигалась без остановок. Нам с Гансом было приказано в срочном порядке проехать в голову колонны батальона и дальше и проинформировать местных полицейских о том, что, дескать, «дивизия на подходе». Мы неслись как бешеные на своих BMW, миновали голову колонны, быстро поставили в известность кого требовалось, и теперь время уже принадлежало нам. До тех пор, пока не послышался гул приближавшейся колонны.

И вот опять вечерело. Косые лучи солнца освещали нашу серо-зеленую колонну. Мы уже проехали Мельк, знаменитый своим монастырем в стиле барокко. Вперед и только вперед. Мы уже где-то под Веной. В конце концов, мы стали привыкать к этой гонке без остановок. Я до такой степени вымотался, что едва не засыпал на ходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.